

Ректор вышел из истории

Параллельные миры нового ректора Уральской архитектурно-художественной академии Сергея Постникова

Дарья БАЗУЕВА

То, что Уральскую государственную архитектурно-художественную академию в конце прошлого года возглавил учёный-историк Сергей Постников, стало неожиданным для тех, кто не знаком с его биографией. Остальные в курсе: историк это не простой, а «выращенный» и состоявшийся в среде архитекторов. Это делает особенным и его взгляд на мир, и подход к образованию.

Легче всего проектировать на пустом месте

— Сергей Павлович, вы работаете в УрГАХА — значит, почти архитектор. Как оцениваете архитектурный облик Екатеринбурга?

— Мы теряем многое из культурного наследия и, если так будет продолжаться, то через 20 лет город лишится своего лица и станет просто хорошим европейским городом. Я не против современной архитектуры, хороших проектов развлекательных центров, но они есть везде, а вот историю нужно сохранить. Архитекторы говорят: легче всего проектировать на пустом месте, когда тебе не мешает старое. Но это варварство — разрушать то, что поколения людей создавали. За почти 300 лет у нас в городе воплотилось шесть или семь стилей архитектуры — барокко, классицизм, эклектика, модерн, конструктивизм, неоклассицизм, современная региональная архитектура. Слава Богу, что классицизм еще остался, хотя малоэтажных построек все меньше. А мы говорим о проведении чемпионата мира по футболу, ЭКСПО-2020... При этом понятно, что иностранцам не будет интересно смотреть на торговые центры, они у себя настолько не разбираются. А вот памятники конструктивизма для них — удивительное явление.

— Много негативных отзывов о современной архитектуре. Кого стоит винить в том, что она не особо примечательна?

— Как правило, если архитектурный объект не имеет достояния — композиционных, художественных, национальных, виноват не бездарный архитектор. Бездарных архитекторов редко встретишь. Главная причина — давление заказчика в условиях рынка. И это можно понять: плачу деньги, значит, тоже имею право на свое мнение, могу сэкономить на проектных и строительных работах. Архитекторы иногда вынуждены идти на поводу у заказчика, поэтому и замечательные проекты не воплощаются в жизнь.

— В Екатеринбурге вы известны своей научной работой в УрО РАН, но на протяжении всей жизни не расставались с архитектурной академией. Как получилось, что вы преуспели в двух разных сферах?

— Я пришел в Свердловский архитектурный институт в 1977 году после окончания института УрГУ. Тогда это был молодой вуз, который только недавно обрел самостоятельность (образован как филиал Московского архитектурного института в 1967 году — прим.авт). Вуз занимал даже не все нынешнее здание, там училось около 1000 студентов. На работу меня принимал ректор Николай Семенович Алферов — основатель нашей академии и очень достойный человек. Это случилось в том же самом кабинете, где сейчас мое рабочее место.

В советское время ректор был очень большой величиной, независимо от масштабов вуза. Я общался с Николаем Семеновичем не так часто (он рано ушел из жизни), но очень много полезного для себя почерпнул. В конце 70-х — начале 80-х в вузе оставались лучшие. В тяжелые 90-е годы, когда высшая школа переживала переходный этап, многие ушли в проектные институты, открыли свои фирмы. В начале 2000-х кто-то вернулся, но далеко не все. Этим можно объяснить и то, что я не ожиданию для многих стал ректором.

В вузе до сих пор существует разрыв между поколениями: либо молодые — креативные, но не имеющие административного опыта, либо те, кто по возвра-

Сергей Постников в беседе с коллегами — французскими архитекторами

сту уже не может возглавлять вуз. Существует возрастное ограничение, 65 лет — это значит, что ректор вне зависимости от достижений должен уходить. В крупных вузах он становится президентом и выполняет задачи по стратегии развития, представительские функции либо становится советником ректора. У нас вуз небольшой, поэтому пока нам не разрешили ввести должность президента. Бывший ректор Александр Стариков стал советником ректора, мы работаем бок о бок. Сейчас я вижу одной из своих главных задач создать такие условия, чтобы молодые и талантливые люди, способные к административной работе, стали докторами наук и подготовились к тому, чтобы через какое-то время занять ключевые должности в академии.

С 1977 года я не прерывал связь с академией, всегда здесь преподавал, за исключением периода обучения в аспирантуре и докторантуре. Даже в тот период, когда я занимал должность заместителя директора Института истории и археологии УрО РАН, я оставался в академии на четверть ставки и преподавал историю России и социокультурную историю Урала. И вот уже больше года, как Александр Стариков пригласил меня сначала на должность проректора, потом коллектив поддержал меня, когда проходили выборы ректора. Я рассматриваю свою должность не как какую-то преференцию, а как большую ответственность и работу. Эта деятельность для меня во многом новая, я каждый день что-то для себя узнаю.

— Где и как прошло ваше детство и когда проснулся интерес к истории?

— Моя мать окончила мединститут, и её направили по распределению в посёлок Цементный Невьянского района, там я и родился. Но родители понимали, что детям нужно давать качественное образование, и когда мне было пять лет, мы переехали в Свердловск. Я окончил английскую школу №70, о ней остались очень теплые воспоминания, там мне дали хорошую базу знаний. Я без труда поступил на истфак, хотя конкурс был колоссальный — 12 человек на место. Историком хотел стать класса с восьмого. Мать желала, чтобы я стал врачом, отец — строителем, мечтал, чтобы я пошёл по его стопам. Но я принял самостоятельное решение. Мне всегда везло на коллективы — и класс был хорошим, и курс, и коллектив в академии очень сплоченный. Все болели за одно дело, жили как одна семья. Кстати, и семья я завел в академии, жена у меня дизайнер, сегодня декан факультета дизайна УрГАХА. Отмечу, что деканом она стала давно, и я не имею к этому никакого отношения, тем более, что это выборная должность. Хотела уйти, когда я стал ректором, почитав, что некорректно это: муж ректор, а жена декан. Но в следующем году вузу предстоит серьезное испытание — аккредитация, а она человек опытный, поэтому я её пока не отпускаю. Сын — тоже дизайнер и выпускник академии.

— Вас везде окружают архитекторы и дизайнеры, никогда не чувствовали себя уютно от того, что не принадлежите к их кругу?

— Когда знакомый архитектор спросил меня: «Ну что, осваиваешься?», я ответил, что уже могу отличить коринфский ордер от дорического. Он захохотал и сказал, что отличить их можно не каждый архитектор. Понятно, что проектировать я никогда не смогу, но в истории и теории архитектуры хорошо ориентируюсь. Я всегда общался в этой среде, с архитекторами работал довольно плотно. Мы вместе проектировали музей в Качканаре, Новоуральске. Участвовал в конкурсе на проект музея истории Екатеринбурга, занял там второе место. В 1998 году я вступил в Союз дизайнеров России. Да, по базовому образованию я не профильный архитектор, но много лет работаю, учусь, стараюсь повышать квалификацию.

— Когда знакомый архитектор спросил меня: «Ну что, осваиваешься?», я ответил, что уже могу отличить коринфский ордер от дорического. Он захохотал и сказал, что отличить их можно не каждый архитектор. Понятно, что проектировать я никогда не смогу, но в истории и теории архитектуры хорошо ориентируюсь. Я всегда общался в этой среде, с архитекторами работал довольно плотно. Мы вместе проектировали музей в Качканаре, Новоуральске. Участвовал в конкурсе на проект музея истории Екатеринбурга, занял там второе место. В 1998 году я вступил в Союз дизайнеров России. Да, по базовому образованию я не профильный архитектор, но много лет работаю, учусь, стараюсь повышать квалификацию.

Инновации — не мода, а необходимость

— А в УрО РАН вы продолжаете работать?

— Для того чтобы мне совмещать работу, нужно было написать заявление министру образования и науки РФ. Я это сделал, и мне разрешили пока по совместительству работать, поскольку у меня там есть аспиранты, гранты, программы, обязательства, которые я должен выполнять, хотя времени абсолютно не хватает.

— Наверняка, планируете какие-то совместные проекты института истории и археологии и академии?

— Мы создали научно-образовательный центр «Историко-культурное наследие», куда вошли УрФУ, Институт истории и археологии и УрГАХА. Он должен объединить усилия преподавателей двух вузов и ученых академического института для совместного участия в целевых программах, которые касаются изучения, сохранения памятников культурного наследия и их реставрации.

— До назначения на должность ректора вы были проректором по инновационной и творческой деятельности. В это время в вузе появились новые инновационные предприятия, подписан договор о сотрудничестве с Фондом «Сколково». Объясните, пожалуйста, зачем архитектурному вузу инновации?

— Действительно, когда мы говорим об инновациях в нанотехнологиях, ядерных технологиях, медицине, то это понятно. Когда речь заходит об архитектуре и дизайне, это иногда вызывает недоумение, но я привожу такой пример. Впервые в прошлом году Министерство обороны объявило конкурс среди вузов на государственный оборонный заказ, в УрФУ координатором стал Уральский федеральный университет, восемь вузов приняли участие, в том числе и мы. И в том, что наши заявки не прошли, не столько наша вина, сколько показатель того, что инерция старого мышления в нашей стране все ещё сильна. Одна из заявок вуза — проект мобильной военной базы для условий Арктики. Это разработка наших архитекторов и дизайнеров. К сожалению, в России создаются одинаковые военные базы — что для условий Средней Азии, что для Арктики. В одних личный состав

мерзнет, в других мается от жары. О человеке забывают. Это подход еще старый, имперский, когда забота о людях — второстепенный момент, важнее оружие и техника. С каждым новым этапом развития общества человеческий фактор играет всю большую роль в военных действиях.

В нашем вузе сегодня работает два инновационных предприятия в области дизайна и архитектуры. В прошлом году мы получили три свидетельства на промышленные образцы — запатентовали оригинальные светильники, а также оформили как ноу-хау математический способ проектирования городской среды. В ближайшем будущем будет создано еще предприятие в области архитектурного макетирования — это решение актуальной проблемы, поскольку для участия во всех международных выставках нужно представлять качественные макеты, а заказывать их за рубежом — очень дорогое удовольствие.

— Что вы хотите добиться с помощью этих предприятий?

— У нас серьезный научный потенциал, который используется недостаточно. В вузы и академические институты вкладывается много средств, в десять раз больше, чем восемь лет назад, а сказать, что отдача от науки стало в два раза больше, нельзя. Поэтому вуз должен быть не только центром научной мысли, иметь научные школы, но и внедрять результаты интеллектуальной деятельности в производство. Сегодня внедрение составляет два-три процента, остальное — в корзину. Все востребованные архитекторы и дизайнеры работают где-то на стороне, хотя можно под крышей академии вести научные исследования, заниматься реальным проектированием. В январе мы подписали договор о сотрудничестве с концерном «Фольксваген». В Европе деньги считают, и заключают контракт, не видя в нас перспективы, никто бы не стал. Представители немецкой фирмы сказали, что УрГАХА стал первым в России вузом, имеющим с ними договор.

— В чем суть этого контракта?

— Любой бренд рано или поздно теряет свою актуальность. Его надо адаптировать к современным рыночным условиям и потребностям покупателей. «Фольксваген» вместе с нами объявили конкурс, где участвуют студенты выпускных курсов: четвертого и шестого. Они будут разрабатывать новый бренд концерна — слоган и логотип. Итого будут подведены конкурс среди вузов на государственный оборонный заказ, в УрФУ координатором стал Уральский федеральный университет, восемь вузов приняли участие, в том числе и мы. И в том, что наши заявки не прошли, не столько наша вина, сколько показатель того, что инерция старого мышления в нашей стране все ещё сильна. Одна из заявок вуза — проект мобильной военной базы для условий Арктики. Это разработка наших архитекторов и дизайнеров. К сожалению, в России создаются одинаковые военные базы — что для условий Средней Азии, что для Арктики. В одних личный состав

разрабатывают зарубежные архитекторы, нам есть чему у них поучиться. Планировалось, что они отберут пять наших студентов, те сначала пройдут мастер-классы в Сколково с французскими архитекторами, а затем лучшие поедут за счет принимающей стороны во Францию на обучение. Общение с западными архитекторами нам было бы очень полезно. Мы отстаем в архитектуре, и не знаю, когда мы догоним Запад.

— Почему произошло это отставание и что делать?

— Мы отстали, потому что в течение многих десятилетий были изолированы. У нас же была замечательная школа архитекторов на Урале и в стране. Но изоляция и диктат заказчика в лице монополии государства оказали огромное влияние. В странах, которые интересны своей архитектурой — Испании, Италии, Германии, Франции — вне зависимости от политической ситуации, сохранялись традиции, никто ничего не разрушал преднамеренно. Там до сих пор чувствуется связь поколений архитекторов, стилей, эпох в архитектуре, это создает неповторимый колорит. А у нас в одно время то, что было оригинальным, получило название бумажной архитектуры. А то, что было серым и обыденным, воплощалось в массовом жилом строительстве. Образцов архитектуры создавались единицы, общения с Западом не хватало. Чужбы преодолеть отставание, нужно сделать большой прорыв.

полной мере им заниматься. Но надеюсь, что будущее у него есть.

— Еще один период вашей жизни — время, когда вы возглавляли Музей изобразительных искусств...

— Я был там «на стажировке» всего полтора года, меня пригласили под конкретную программу: в 2008 году планировалась реконструкция музея. С музеем я работал много, и для меня очевидно, что у нас нет музея, отвечающего современным требованиям. Это очень плохо. Если мы претендуем на звание третьей столицы России, не иметь ни одного музея мирового уровня, конечно, стыдно. Когда меня пригласили, я размышлял, что у нас будет хоть один такой музей. Но грянул кризис, и раскоды на культуру в городском бюджете были сокращены, о реконструкции пришлось забыть. Это, возможно, была бы интересная работа, но заниматься текущей и не видеть перспектив мы лично неинтересно, поэтому я вернулся в ту сферу, которая мне ближе — в науку, образование.

— Вопрос, который многих волнует. Образование в УрГАХА — самое дорогое в Екатеринбурге. Чем это обусловлено?

— Оно не самое дорогое. В Московском архитектурном институте стоимость обучения на одном курсе — 250 тысяч рублей. У нас самое дорогое обучение на первом курсе — 146 тысяч в год, дальше идет по убывающей, поскольку возрастает часть, рассчитанная на самостоятельную работу студента, и уменьшается аудиторная нагрузка на преподавателя. Здесь нет никакой коммерческой тайны — в творческих вузах стоимость обучения выше, чем в технических, поскольку здесь нормативы на одного преподавателя один к четырем. На живую, в рисунке необходимо два-три преподавателя. В технических вузах норматив один к десяти, а государство финансирует вузы по одному стандарту. Разницу мы дополняем за счет внебюджетных средств. Это не значит, что наши преподаватели получают больше, чем в других вузах, это не так. Хотя у нас не самая маленькая зарплата — в среднем 30,5 тысячи рублей, и она ежегодно растет. Хотя разница в зарплате преподавателей очень значительна, и дело не только в научных степенях и званиях, но и в учебной нагрузке и востребованности преподавателя. Сегодня преподаватель может зарабатывать много, но для этого он должен быть квалифицированным, востребованным и креативным. Многие совмещают работу в нескольких вузах, хотя эффективнее, на мой взгляд, заниматься наукой и проектной работой. Те, кто имеют гранты Российского фонда фундаментальных исследований, Российского гуманитарного научного фонда, участвуют в федеральных целевых программах, хоздоговорах, зарабатывают по 60-70 тысяч. Сложнее тем, кто преподает теоретические предметы. Историку и философу труднее найти заказ.

— Хотите спросить вас как специалиста: какой период в истории России вам кажется наиболее поучительным?

— История учит тех, кто желает у неё учиться. Из поколения на поколение мы наступаем на одни и те же грабли. Все исторические уроки в России по-учительны, сколько революций и смутных времен мы пережили, пальцев не хватит, чтобы пересчитать. И, к сожалению, каждый новый руководитель их повторял. У истории нужно учиться сознательно и не делать выводы, когда уже поздно. Возможно, ошибок, которые мы совершали в современной России, можно было бы избежать, если бы депутатам Государственной Думы прочитали курс истории России известных учёных — такие, как, например, академик Николай Николаевич Покровский, который сегодня работает в Сибирском отделении РАН.

— Вопрос, который вы задали, самый сложный. Я до конца ответа на него не знаю. Быть может, когда буду совсем седой, то смогу ответить на него более конкретно. Если буду готов, я вам позвоню.

— Депутатам не помешало бы курс истории

— Вы много занимались общественной деятельностью: были председателем областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, президентом Екатеринбургского благотворительного фонда истории и археологии — «300 лет Екатеринбург». Много ли за это время удалось добиться?

— Областное отделение общества охраны памятников истории и культуры я возглавлял, наверное, в самое тяжёлое для страны время: с 1992 по 1997 год. Это был коллектив энтузиастов, где объединялись историки, архитекторы, искусствоведы. Мы первые стали создавать базу данных памятников истории Екатеринбурга и выпустили каталог по всем районам, где имелись памятники. Фонд истории и археологии создавали в 98-м году под конкретный проект — собрать средства для строительства часовни во имя Святой великомученицы Екатерины. Мы реализовали проект — построили часовню, но поняли, что сфера деятельности фонда должна быть шире. Мы реорганизовали его в новый «300 лет Екатеринбург» с долгосрочной перспективой сделать что-то полезное для города к 2023 году. Самый крупный проект — вторая очередь памятника «Черный тюльпан». Мы активно работали с целым рядом организаций ветеранов войны в Афганистане и сумели при всех трудностях реализовать этот проект — вторая очередь была построена. Сейчас фонд работает. Правда, пока масштабных проектов там нет, да и я не могу в

ДОСЬЕ «ОГ»

Сергей Павлович ПОСТНИКОВ.

Родился 9 января 1955 года в пос. Цементном Невьянского района Свердловской области. В 1977 году после окончания УрГУ направлен на работу в Свердловский архитектурный институт, где работал до 1979 года ассистентом кафедры истории КПСС и политэкономии. С 1979 по 1982 год — аспирант УрГУ, после окончания аспирантуры защитил кандидатскую диссертацию. В 1988 — 1991 годах докторант кафедры всеобщей истории УрГУ. Доктор исторических наук (1992), профессор (1994).

С 1992 по 1998 год — ведущий научный сотрудник, с 1998 по 2008 год — заместитель директора Института истории и археологии УрО РАН. С 2008 по 2010 годы — директор Екатеринбургского музея изобразительных искусств. Одновременно по совместительству — профессор Уральской архитектурно-художественной академии, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН. С 1 февраля 2011 года — проректор по инновационной и творческой деятельности УрГАХА.

Автор и научный редактор более 350 научных и научно-популярных работ по истории Урала. Научный редактор и заместитель редактора ряда крупных работ по истории Екатеринбурга и Урала, в том числе «Уральской исторической энциклопедии», «Энциклопедии Екатеринбург», член редколлегий энциклопедии «Металлургические заводы Урала XVII — XX вв.» и энциклопедии «Атомные города Урала». Заместитель главного редактора «Уральского исторического вестника».

Дважды лауреат премии им. Татищева и Геннина. Неоднократный обладатель грантов Российского гуманитарного научного фонда. С 1998 года член Союза дизайнеров России.

Личный архив Сергея Постникова

Сергей Постников — аспирант УрГУ

Блиц-опрос

— Вокруг вас даже дома дизайнеры. Наверное, ваша квартира отличается необычным дизайном интерьера?

— Нет, как всегда, спаложник без сапог. У меня хорошая квартира, проект делала жена — он достаточно простой, поскольку преподаватели и научные сотрудники никогда очень много не зарабатывают. Мы не испытывали материальных трудностей, но шикарные интерьеры и мебель не могли себе позволить, да и не стремились к этому. Может, жена будет впоследствии, что-нибудь другое придумает. Я вообще не вмешиваюсь в то, как она там картины развешивает.

— Какая у вас главная обязанность дома?

— Иногда я люблю готовить, хотя жене это не сильно нравится: все равно на кухне должен быть один хозяин. В минувшую субботу стал уху варить, а когда я это делаю, от рыбы остается много сопутствующих элементов. Она сказала: «Ты же обещал, что, когда станешь ректором, больше к плите не подойдешь!».

— Любимая книга?

— Из современных писателей нравятся Борис Акунин и Сергей Минаев. Я, пожалуй, прочитал все их произведения, поскольку они захватывают и дают возможность отдохнуть. Из зарубежных авторов уважение вызывает творчество Харуки Мураками. Из классики нравятся Александр Куприн, Антон Чехов. Недавно хотел перечитать роман «Золото» Маммина-Сибиряка и странице на двадцать пятый поймал себя на мысли, что современному человеку трудно это воспринимать. Не потому, что плохо написано, просто динамики нет. Я подумал: а молодежи, наверное, совсем будет неинтересно...

— Как вы обычно отдыхаете?

— В последние годы с этим напряженно. У нас отпуска очень больше — 56 дней. Но их невозможно отгулять. Если не уедешь, то все равно какая-то невведомая сила тащит тебя на работу.

— Когда есть возможность, мы с женой едем за границу. Она очень урбанизированный человек и не любит, к сожалению, отдыхать на природе. Я себя считаю счастливым человеком, потому что мои хобби и личные интересы совпадают с моей работой.

«А что у нас там впереди?»